

БОЛЬШОЙ СВЕТ ПУСТЫНИ

В отличие от России, у нас нет сумерек с их нюансами и неуловимыми переходами, где добро причудливо переплетается со злом, где все зыбко и неопределенно

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

- Существует такая теория, что народ формируется той страной, в которой живет. Именно страна определяет его склад, облик, национальную особость.

- Я полагаю, это справедливо только отчасти и с большими оговорками. Характер народа в меньшей степени определяется историей и типом культуры.

- Пусть отчасти и с оговорками. Можно обсуждать, насколько этот фактор важен и как он соотносится с другими факторами и как они взаимодействуют, однако ведь несомненно, что горцы отличаются от народов моря, а те и другие - от народов пустыни.

- Конечно, отличаются. Морские народы (финикийцы, греки, викинги) открыты и любопытны: всегда интересно узнать, что там - за морем, на другом берегу. Совсем другое самоощущение у горцев. Горы естественно разделяют замкнутые миры. Горцы сидят на своей горе, в своей деревне, как в своей крепости.

- Это довольно точное описание Дагестана.

- Все это имеет отношение и к евреям. У нас, правда, в отличие от Кавказа невысокие горы, но все-таки горы. На побережье почти всегда жили другие народы. Те, кто приходил в эту страну, селились на побережье, сменяя друг друга: филистимляне, римляне, крестоносцы. Им казалось, что они пришли навсегда, и у них были все основания так думать: они пусkali здесь корни, строили города, крепости, здесь рождались многие поколения, - но в конечном итоге, как бы долго они здесь ни жили, все это оказывалось временно.

- Но ведь сейчас на побережье именно евреи.

- Да, и возникла в определенном смысле парадоксальная ситуация: евреи на побережье - арабы в горах. Благодаря чему существует популярная в арабском мире теория, что евреи здесь так же временны, как крестоносцы.

- В отличие от финикийцев, евреи хоть и живут сейчас на море, но все-таки морским народом никак не являются.

- Это, кстати, верно и по отношению к арабам. Средиземное море омывает многие арабские страны, арабы живут там на протяжении многих веков уже больше тысячи лет, и все же, как и мы, - они не морской народ.

- В наших классических текстах море - всегда опасная и недружественная стихия, оно лишено притягательности и, обратив внимание, нигде ни слова не говорится о его красоте. Море вообще - где-то там, далеко, причем не географически, но культурно: оно не часть нашего мира. Мы народ гор и пустыни. Сделав всего лишь шаг из Иерусалима, можно сразу, без перехода попасть в пустыню. Пустыня - колыбель нашего народа. Наша история начинается в пустыне. Пустыня амбивалентна: она одновременно притягивает и пугает. В пустыне обитают бесы, но там же у нас было наиболее полное общение со Вс-вышним.

- Пророк Иеремия говорит об этом словами любви, обращаясь от имени Вс-вышнего к народу Израиля, как к возлюбленной: Я вспоминаю о юности твоей, о любви твоей, когда ты шла за Мною в пустыню. Тот же образ у Исаяи: увлеку тебя в пустыню. Вс-вышний не говорит: увлеку тебя в лес. А ведь в Стране Израиля во времена пророков были большие леса. Он не говорит: увлеку тебя на море. Пустыня - особенное, благоприятное место для Его любви. У пророков есть такая идея, что обновление и очищение жизни возможно только в пустыне.

- Пустыня и море в определенном смысле похожи: люди их пересекают, но в них не живут. И море, и пустыня опасны, и там, и там нет пресной воды. Но, как бы море ни было опасно, пустыня для человека - еще менее дружественное место: во всяком случае, в пустыне нет рыбы, но есть змеи и скорпионы.

Караван в пустыне и экипаж корабля вполне аналогичны замкнутому горному поселению. Однако пастухи уходили в горы и в пустыню в одиночку, они проводили там очень много времени. И это одиночество создавало особый тип человека особое восприятие жизни. В Библии рассказывается, что, когда Давид пас овец в пустыне, на него напал лев, и Давид убил его. Почему лев не побоялся на Давида напасть? Потому что он был один. Моисей пас стада своего тестя тоже в одиночку. Когда человек один в пустыне, у него масса времени на размышления. Этим пустыня отличается от моря. Море постоянно требует каких-то действий, сосредоточенности на работе. Что-то все время происходит. Море меняется, ветер меняется, появляется земля, мели, рифы. Надо управлять кораблем, ловить рыбу. В пустыне же ничего не происходит.

- Ну, бывают же песчаные бури, смерчи.

- Бывают, но редко. Кроме того, у нас ведь пустыни не песчаные, а каменные. И вот это отсутствие отвлекающего многообразия побуждает человека к внутренней сосредоточенности. Человек в пустыне с большей вероятностью займется поэзией, нежели математикой.

Математика развивалась в Месопотамии, где были большие пространства, и их необходимо было измерять и делить. Это порождало совершенно иной тип сознания, чем у пророков, которые жили на границе гор и пустыни. Сознание вавилонских мудрецов Талмуда менее поэтично, менее мистично и гораздо более социально. И вот что еще важно: у нас практически нет сумерек. День - это день, а ночь - это ночь. Безо всяких переходов. В пустыне это чувствуется особенно резко и отчетливо. В пустыне есть большой свет, в котором вещи видятся ясно. В этом наше отличие от России. Здесь сумерки не только природное явление, но и явление культуры, важная составляющая русского менталитета: нюансы и неуловимые переходы, добро причудливо переплетается со злом, порой все зыбко и неопределенно.

- А река как-то присутствует в еврейской культуре?

- Ну, сами посудите, какие уж там реки?! Только в такой лишенной воды стране, как наша, Иордан может быть назван рекой. А по существу ведь не река - речка. В России таких, должно быть, десятки тысяч, и эти речки никому не известны, кроме местных жителей.

Впрочем, у одного писателя начала века есть забавная история, связанная с Иорданом. В его рассказе украинский еврей приезжает в Страну Израиля и видит Иордан, и вот, он потрясен, какой Иордан ничтожный.

- Да уж не Днепр.

- То есть совсем не Днепр. И этому человеку становится ужасно смешно, насколько его мечты далеки от действительности. Он смеется, лезет купаться и тонет в водовороте.

(Продолжение)

«НА РОДИНУ ОБИЖАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ - МОЖНО ТОЛЬКО ПЕРЕЖИВАТЬ, ЧТО ДОМА НЕТ И НАЙТИ ЕГО НЕ МОГУ, ЧТО МАМА ЛЕЖИТ НА КЛАДБИЩЕ...»

- Леонид Сергеевич, жизнь ваша (да и вашей семьи), несмотря на то что таких успехов добились, народный артистом Советского Союза стали, изломана: обиды за это на страну, правящий строй, на партию, комсомол вы не держите?

- Ну, Дима, я так скажу, что нельзя без конца в чувстве обиды, как в луже какой-то жить, иначе себя развешь. Я, если бы ко многому относился без юмора, должен бы был давно умереть, но невозможно все время только страдать.

Вот «Вишневы сад» - трагическая пьеса? Кстати, ее как-то Гавриил Харитонович Попов посмотрел, я подошел к нему и спросил: «Что вы поняли - не из чеховской пьесы, а из того, что Марк Анатольевич сделал?». Он произнес: «Я понял ужасную вещь - в России никто никому не нужен, каждый только о себе думает». Человека, который всю жизнь служил Родине (или не Родине, а хозяевам), забыли, а как можно? «Вот это я понял», - сказал он, - и это ужаснуло меня совершенно». Я кивнул: «Я с вами согласен».

Тогда мы своего добились - Марка Анатольевича я имею в виду, и как хорошо, между прочим, что много он сократил, два акта сделал, потому что больше двух часов такой спектакль выдержать невозможно. Там все так насыщено, как насыщенное вино, - чувствуешь, что пьянеешь, и все... - так о чем ты спросил, Димочка?

- Об обиде на Родину...

- Ну как можно обижаться на Киев, если я его люблю? Или на Украину? На украинский язык, которым восхищаюсь, на украинские мелодии - самые мелодичные, которые только на свете бывают? Нет, а что касается власти, держусь от нее подальше: так лучше.

- Для вас обоих...

- Я ей не нужен, она мне тоже, я ей не мешаю... Нет, на Родину обижаться нельзя - можно лишь переживать, что дома нет и найти его не могу, что мама лежит на кладбище...

Да, ты знаешь, пока в том клубе шла драка, старичок-скрипач забирал себе 75 процентов денег, а нам с пианисткой 25 оставлял, так мы забастовку устроили и сказали: «50 - вам, 50, на двоих, нам». Был страшный спор! - в результате половину все-таки отвоевали.

...Ой, в Ташкентском ГИТИСе вместе со мной много парней училось, только что с фронта пришедших. Такие ребята замечательные: сибиряки, украинцы - и все были голодные, все! Мы выходили во двор, а на втором этаже жена директора института каждый день варила куриный бульон. Мы подходили (вдыхает)...

- ...нюхали...

- ...и от этого запаха пьянели, а когда 27 рублей стипендии получали, отправлялись на туркменский рынок, и каждый брал себе самсу с бараниной, шашлык (после чего нас тошнило с голоду), плов, лепешку горяченькую, виноград, чай зеленый - и шли, как пьяные! То, что оставалось, можно было тратить на все это несколько дней - счастливые были дни! (Грустно). Весь курс наш ташкентский умер (поступили мы в 46-м и в 50-м закончили).

Потом в Школе-студии МХАТ я учился, но в Художественный театр не взяли - отправили в Грозный, в Чечено-Ингушетию, в Театр имени Лермонтова. Помню последнюю ночь перед отъездом - я шел по Москве, остановился, смотрю - окна горят. Подумал: «Какие счастливые люди! Живут здесь...». Уехал в Грозный, затем - в Иркутск... Да, вот еще... В Воронеже, как только туда прибыл, народный артист СССР режиссер Фирс Шишигин меня спрашивает... Это, кстати, там, где мама Дмитрия Медведева училась - оказывается, у меня занималась, а я и не знал! Его на свете еще не было, а ей, 19-летней, сценическую речь я преподавал.

- Медведев об этом знает?

- Он же мне и рассказал, на что я улыбнулся: «Как узок мир!». Ну, значит, приехал я, и Фирс Ефимович спрашивает: «Какую роль вы хотите сыграть? - я «Третью патетическую» буду ставить». Я ответил: «Ленина». - «Нет, Ленина Степан Ожигин сыграет, народный артист РСФСР». Я руками развел: «Тогда, если можно, ничего». - «Ну, ладно» - как будто я что-то чувствовал. Нас с женой в ма-а-леньком гостиничном номерочке поселили (она уже была в положении), дома заниматься было негде, поэтому я в театре сидел на балконе и за весь репетиционный период выучил текст.

Ожигин замечательно репетировал, просто прекрасно, но однажды развернули дорожки, забегал директор и какой-то вошел человек - как потом оказалось, секретарь обкома по агитации и пропаганде Смирнов. Сел, Шишигин говорит: «Начали!» - и Ожигин то ли неважно себя чувствовал, то ли разволновался - очень плохо сыграл (я же все репетиции видел - ну плохо, мне даже обидно за него стало).

Закончили первую сцену, где Владимир Ильич на заводе, с рабочими, и секретарь, слышу, спрашивает: «А другого Ленина у тебя нет?». - «Нет. Ну, приехал тут один, хотел играть...». - «Чего же не дал? Позови его, где он?». Я скромно так: «Здесь я». - «Спуститесь!». Я спустился, Шишигин ко мне обратился: «Познакомься, Леонид, это товарищ Смирнов». «Ты можешь сейчас сначала всю сцену на заводе сыграть?» - спросил секретарь. Ни одной репетиции не было, но я сказал: «Попытаюсь». - «Что тебе для этого нужно?». - «Ничего. Кепку». Дали кепку, я - на нервной почве, наверное, - сыграл хорошо, и Смирнов постановил: «Вот он будет играть». Бедный Степа в больницу слег, мне было неловко, но я таки играл Ленина в «Третьей патетической».

«ЗА РОЛЬ ЛЕНИНА ДВЕ КВАРТИРЫ МНЕ ПРЕДЛОЖИЛИ, И Я С ПЕРЕПУГУ ХУДШУЮ ВЫБРАЛ: БЫЛА НА ЧЕТВЕРТОМ ЭТАЖЕ С БАЛКОНОМ, А Я ВТОРОЙ ЭТАЖ БЕЗ БАЛКОНА СХВАТИЛ»

- И за эту роль получили квартиру - первую в жизни?

- Да, за нее. Был звонок... А, нет, подожди, я играл Ленина, ничего не получая, но однажды вдруг опять расстелили дорожки и попросили спуститься вниз. Я в гриме Ильича подхожу, в дверях первый секретарь обкома стоит, а дальше пройти боится. Там и командующий Южно-Уральским военным округом генерал Белов, и целая толпа, а у окошка - не-большого роста человек в сером костюме. Это был кандидат в члены Политбюро секретарь ЦК КПСС Аверкий Борисович Аристов - улыбнулся, руку мне про-тянул и, глядя на весь этот народ, произнес: «Ленин всем очень-очень нравится». Я поблагодарил: «Спасибо!».

На следующее утро, в семь часов, раздается звонок: «Это из городского комитета партии говорят - приезжайте, пожалуйста, мы машину за вами пришлем». Я: «Да ничего, могу и троллейбусом». - «Нет-нет, мы пришлем - черную «Победу». Сел я в нее, привезли, секретарь принял и говорит: «А вот это председатель горисполкома. Товарищ председатель, дайте ему, пожалуйста, ключи от двух квартир и свозите посмотреть, чтобы жильё себе выбрали». Я с пере-

пугу худшее взял (смеется): квартира на четвертом этаже с балконом была, а я второй этаж без балкона схватил - ну, что уж теперь?..

- Вот скажите, как после этого Ленина вам не любить?

- Нет, я его не люблю - Ленин выступал в здании нашего театра, «Ленкома», на III съезде комсомола, и такую сказал вещь: «Между добром и злом нет никакой разницы: добро - это то, что за советскую власть, а все остальное - зло!». Гром оваций раздался, но ведь это было дано указание...

- Конечно!

- Все, конец! Странно - вроде ж учился, интеллигентный человек... Значит, не совсем интеллигентный, наверное, потому что «интеллигенция - говно», ее выслать, расстрелять надо...

- Злой...

- А вот почему? Может, потому что маленький... Не знаю, отчего он таким стал - просидел очень комфортно в Швейцарии, получал деньги...

- Может, мало получал?

- Нет, много - Сталин и Камо привозили.

- Налеты делали - будь здоров...

- Он хорошо в швейцарских ресторанах питался, на велосипеде ездил, что тоже здорово, но, мне рассказывали, когда выпивал, очень злой становился. Вот однажды принял на грудь и сказал молодому Сталину: «Эй, ты, осетин! Пляши!» - и тот сплясал, после чего уже сам начал делать такое с Хрущевым. Или Микояну подкладывал кусок торта...

- Дедовщина!

- Причем повальная, всенародная. Я не знаю, где раньше концлагеря начались - у нас или в Германии? Надо проверить - мы же до сих пор не можем установить, сколько в войну погибло и сколько из-за репрессий: можно посчитать или нет?!

- Цифры называют такие: вместе с жертвами голода и гражданской - 50 миллионов...

- Ну, попробуй скажи это коммунистам - они назовут тебя клеветником и начнут утверждать, что убитых миллион - максимум, а если, допустим, два ребенка погибли, так что, это хорошо, да? Узнай, прошу тебя, сколько солдат с тремя медалями «За отвагу» было и сколько их осталось в живых. Они дороже, чем две звезды Героя Советского Союза, - эти три медали у молодого мальчишки, но спроси что-нибудь повзрослее, а то люди скажут: «Что он тут нам рассказывает?». Молодежь вообще ничему не верит, отмахнется: «Все он врет!». Кстати, о вранье: где эта Кондратюк, журналистка «Радянської України» - ты не мог бы узнать, жива она или нет? Написала когда-то, что я все выдумал, что не учился никогда в Киеве по классу скрипки.

«НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПО КЛАССУ СКРИПКИ В ВОЗРАСТЕ ШЕСТИ ЛЕТ Я ПРИШЕЛ»

- А вы же в десятилетке музыкальной здесь занимались...

- Да, на подготовительное отделение в возрасте шести лет пришел. Там два профессора были - Давид Соломонович Бертье и Яков Самоилович Магазинер, так вот, ассистент Бертье Алексей Петрович Пелах (не перепутай фамилию, его уже нет) меня принимал. Сказал: «Слух у мальчика почти абсолютный, но я не уверен, что у него силы воли хватит: это адский труд - на скрипке играть», и после того как вышла в «Радянській Україні» клеветническая статья, что я нигде музыке не обучался, моих родителей никто не ссыла, что все я вру...

- В 73-м году это было?

- (Кивает). Кондратюк, чтоб она провалилась, зараза чертова! - зачем она это сделала?

- «Семнадцать мгновений весны» только же вышли, да?

- Да, и Господь еще сделал так, что дом мой разрушен: я ходил-ходил - не нашел его. Знаю, что рядом Бессорбака, а дома нет! - ну, ладно, Бог с ним, то ли наши снесли, то ли немцы «постарались», но музыкальную школу нашел - она осталась. Зашел туда уже пожилым человеком, под 50 лет, переменка, идет Алексей Петрович навстречу, и я говорю: «Здравствуйте! Вы меня не узнаете?». - «Нет» - ну, конечно: он знал меня шестилетним... Я тогда: «Я Леня Броневой», он: «Ах!» - схватил меня, обнял: «Ленечка!». Я сказал: «Я пришел, потому что сегодня утром вышла статья, что я все вру и здесь не учился, - как же я рад, что вы еще живы! Вы - свидетель, вы ведь прослушивали меня в подготовительный класс в 34-м году - может, напишете хоть несколько слов?». Он рукой махнул: «Да ну их, эти газеты! Давайте я лучше учеников соберу, с первого по седьмой класс».

Набралось человек 20 - от семилетних до лет 14-ти примерно, все по классу скрипки. Я спросил: «Ребята, мы фильм «Семнадцать мгновений весны» смотрели?». - «Да, вы - Мюллер?». - «Мюллер, Мюллер, но я не поэтому к вам пришел». Алексей Петрович сказал: «Вот ваша парта, Ленечка, где вы в первом классе сидели», и я признался: «Ребята, есть такая газета - «Радянська Україна» - она обделала меня с головы до ног: мол, я здесь не занимался, а я занимался, ребята! Второклашки, вы же концерт Ридинга учите?». - «Да», - «Я тоже учил. А концерт Зейтца?». - «Да», - «И я - я уже его играл и пытался первую часть концерта Вивальди ля-минор разучить. Не могу сыграть вам на скрипке, вы же знаете: один день не поиграешь - теряешь все навыки, но сяду сейчас за рояль, и то, что напевать буду, - это будет партия скрипки у Вивальди». Сел и начал: «Пам-пам-пам-пам-пам, тарарам, тарарам, тарарам, тарарам, тарарам-пам-пам-пам, пам-пам-пам-пам-пам-пам-пара-ра-ра-ра-ра, пам-пам-парара-ра-ра-ра, пам-пам-парара-ра-ра-ра...». Что там творилось! - я доказал, что не лгу. - «Радянська Україна» извинилась?

- Мелким шрифтом в самом низу страницы, ничего разобрать нельзя было: произошла, дескать, опечатка. Какая опечатка? Ну, ладно...

«В 90 ЛЕТ МОЙ ОТЕЦ СКРУТИЛ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПРОКУРОРА, НАДЕЛ НА НЕГО НАРУЧНИКИ И ПОЛУЧИЛ КАКУЮ-ТО БОЛЬШУЮ НАГРАДУ»

- Вашему отцу 10 лет с правом переписки дали, и когда у него заканчивался уже срок, он, зная, захотел воссоединиться с семьей, но мама отказалась, призналась вам: «Я его никогда не любила»...

- Да, он звонил мне, просил: «Скажи маме, что у меня есть паек, домработница, я ни в чем не нуждаюсь. Ты знаешь, что орден Красной Звезды мне вернули? - я его не буду на правой стороне носить, как сейчас носят: буду, как раньше, на левой! А ты знаешь, - кричал он мне в трубку, - какой порядковый номер ордена?!». Я: «Отец, откуда? Ты никогда мне его не показывал». - «Зб, а у Орджоникидзе был 37!». - «Хорошо. Тебе деньги вернули?». - «Да ну их, эти деньги, к черту - кому они нужны? А ты почему беспартийный?». - «Я артист, мне не обязательно в партии состоять, это для меня утилитарно». - «Партия дала тебе все!». - «Отец, это тебе она дала - с правом переписки. Сначала дала, потом отняла...». - «Я тебя не понимаю!». В конце концов я сорвался: «Отец, ты меня извини, но ты, я считаю, или дурак, или фанатик, что, собс-т-венно, одно и то же - от фанатиков устают так же, как от дураков». - «Я тебя не понимаю!» - твердил он, и, ты знаешь, искренне не понимал. Когда ему было 90, он жил в Ростове, там областной прокурор проворовался, и его боялись арестовать - обком, КГБ... - так вызвали отца!

- Арестовывать?!

- Спросили: «Вы можете его задержать?». Он ответил: «Могу». - «А что вам для этого нужно?». - «Два человека, на всякий случай, и пистолет». - «И вы это сделаете?!». - «Да!».

- В 90 лет?

- Пришел, скрутил прокурора, надел на него наручники - и получил какую-то большую награду - ты представляешь? Проб-лему решил!

- А навык куда девать, да?

- Конечно. Ну, в общем, знаешь, что? Все было разбито. Мать скиталась Бог знает где, этот тоже, единственным местом, куда я мог поступить, был Ташкентский ГИТИС: там была маленькая анкетка, и не надо было писать «если умерли, то где похоронены».

- И желающих учиться, наверное, не было...

- Верно - меня приняли с удовольствием.

- Это правда, что перед смертью мать правду о своей семье вам рассказала?

- Да - всю жизнь молчала. Их три сестры было, мать старшая - Белла Львовна. Средняя оперной певицей была, и я тебе клянусь: Нетребко до нее далеко! - такого белканто, такого колоратурного сопрано я никогда не слышал! Увы, со всеми дирижерами были конфликты: с Самосудом, Головановым... - разворачивалась и тут же уходила.

- Как звали ее?

- Елена Львовна Ландау. Все театры поменяла - и осталась ни с чем: при таком-то голосе! И третья сестра недавно умерла - Люба: самая добрая, веселая, милое создание. Мама рассказывала мне, что когда Любе было три года, Леле, будущей певице, пять лет, а мама семь, их мать, моя бабушка, с любовником укатила в Париж, а девочек отдала в детдом, где они и воспитывались.

- Трех детей?

- Да! - и тогда я понял, под старость уже, почему у нее такой резкий, непримиримый характер. Потому что детдомовские знают: выжить там может только сильный - слабый погибнет. Она сильной осталась, но жизнь ее была ужасной. Вообще, дорогие молодые, если вы нас читаете, я не желаю вам пройти то, что проходили мои родители, возможно, и ваши отцы, матери, деды.

- Мама до смерти жила в Киеве?

- Да, на улице Чкалова - сейчас она называется по-другому...

- ...Гончара...

- Чкалов не угодил, Валерий Павлович - ну, возможно... Олеса Гончара улица, я знаю - у нее комната 20 метров в коммуналке была. Мы в Москве нашли ей 12-метровую комнатку у желающих переехать в Киев - на Тверском бульваре, рядом с тем местом, где с женой живем. Я сказал: «Мама, переезжай. Мы будем рядом, всегда привезем деньги, продукты, купим необходимую мебель...». Сначала она согласилась, а потом передумала: «Нет, Киев я не оставлю - у меня здесь друзья, подружки, и вообще, не могу его бросить». Я был у нее на Байковом, и, кстати, властям городским должен сказать: следить нужно не только за центром кладбища (там есть охрана), а за всей территорией, потому что в самом его конце, километрах в трех от центра, дырявый забор, все разрушают...

Поставили маме бронзовый памятник с портретом фарфоровым - украли его на метал! Я потом снова выслал денег - замечательной женщине Людмиле Григорьевне Коломиной (хочу отдельно о ней сказать: она с мамой последние два года была), но что она сделает, если все воруют и разбивают? Оставили на мопике булочки, рюмочку - тут же все это исчезло: надо следить!

И еще одно замечание: я ехал сюда в очень хорошем вагоне - новом, немецком, но спать в нем нельзя, чаю выпить невозможно: так трясет, что люди падают с полок! Всю ночь я лежал, упершись рукой в стену, и не сомкнул глаз - ну, надо же переделать пути! Я слышал, на маршрутах Москва - Петербург и Москва - Хельсинки так не трясет, пассажиры едут нормально. Нужно найти деньги и обустроить рельсы: что немецкий вагон на плохих рельсах делает? На советских рельсах немецкий вагон мерзко себя чувствует, а в нем мерзко себя чувствуем мы.

«ДА, Я ОБИЖЕН: И НА ПАРТИЮ, И НА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ - НА ВСЕХ, КТО НАВЕРХУ»

- Вы уже говорили о Сталине, и я знаю, что когда судьба вас забросила в Грозный, вы и его там играли - однажды даже признались: «Я был похож на Сталина больше самого Сталина»...

- Ну, не то чтобы: я же был молодой, но грим накладывали замечательный. Знаешь, когда в первый раз я на сцену в его образе шел, вот так держал трубку (показывает, как именно), потому что одна рука у вождя немножко больная - выходящая, в локте не сгибавшаяся. Двое рабочих сцены открывали двери, и когда я вышел, думал, выстрел из всех орудий раздался. Там деревянные сиденья, в Театре имени Лермонтова, и все зрители встали - бу-бу-ух! Я растерялся, потому что овациям не было конца.

- Те, кого он высылал, аплодировали...

- Да. Да!

- Фантастика!

- Люди, которых гнобил: чеченцы же пострадали очень сильно...

- ...ингуши, балкарцы, карачаевцы, черкесы...

- ...осетины, хотя насчет осетин не уверен: он же сам осетин был. И кстати, не любил в этом признаваться, говорил, что грузин, но дело не в этом, я сейчас не о том. Потом я привык: ну, встают, хлопают, причем артист, который играл Ленина, говорил: «Попросите, пожалуйста, Иосифа Виссарионовича зайти ко мне» - робко так. Я заходил - и сразу овации, нам с Лениным приходилось долго пережидать, а у меня несколько фраз всего было. Ильяч советовался со мной, спрашивал: «Иосиф Виссарионович, как вы считаете?». - «Совершенно правильно». - «А это нужно сделать?». - «Да, нужно». - «Спасибо, Иосиф Виссарионович». - «Пожалуйста». Потом раздавались аплодисменты (люди уже не вставали), и я уходил.

Однажды выхожу, открывают двери - и гробовая тишина! Первая мысль была: здесь (смотрит вниз) расстегнулось. Гляжу - все застегнуто, значит, что-то с гримом? Долго смотрелся в зеркало, слова свои проговорил, вернулся в гримборную - бежит худрук, Тихонович Вадим Михайлович, и говорит: «Слушайте, я забыл вам сказать: недавно вышло постановление...

- ...«О преодолении культа личности и его последствий»...

- ...а у нас полный зал сотрудников местного КГБ - они все знают. Я: «Ну, надо же предупредить - так можно и инфаркт получить!», а он: «Это не самое худшее - мы ведь к Сталинской премии были представлены...». - «И что?». - «Ну, теперь все, накрылось». - «Мне больше его не играть?» - спросил я. «Нет, играть, но не Сталина, а с этим же текстом референта».

- Ленинского?

- Да. «Наденете пенсне», - посоветовал... Я пробурчал: «Сам разберусь, что мне делать». Взял папку, какой-то надел френч, никакого сталинского грима, свое лицо, пенсне это... Выходил без всяких аплодисментов, Ленин говорил: «Вы как полагаете? Так правильно, а?». Я отвечал: «Правильно, Владимир Ильич». - «Хорошо. Совсем с вами согласен, до свидания». Ну, фарс - даже трагифарс.

- Ваша семья так от Сталина пострадала, вы сами будь здоров натерпелись, жизнь искорежена, а сегодня в России, да и не только в России, Сталина опять поднимают на щит, портреты его несут, к лобовым стеклам автомобилей приклеивают... Как сейчас вы к нему относитесь?

- Крайне негативно. Явный параноик - может, это объясняется тем, что с женой его произошло: то ли Сталин ее убил, то ли она сама себя, но оправдания нет. Хитер, однако: в одиночку переговоры не подписывал - и Молотова заставлял, и Ворошилова, и Кагановича...

- ...по кругу...

- Все должны были подписать - страшный человек!

Я никогда, Дима, советскую власть не прощу, хотя и дала она мне народную СССР - правда, это звание я получил на восемь лет позже.

Скажу тебе честно: я был в комсомоле - в 44-м, когда дали мне паспорт, вступил и 12 лет в нем пробыл. Девушку-секретаря райкома предупредил: «Я сын врага народа, он в заключении...», а она: «Ничего страшного, нам комсомольцы нужны». - «Ну, спасибо». Когда истек мой срок, я уже второй институт окончил: учился сперва в Ташкентском ГИТИСе, потом в Школе-студии МХАТ имени Невмировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре. «Хочу», - сказал, - подать заявление в партию, а мне: «Вы не пройдете комиссию: там сидят старые большевики...». - «Но ведь отец мой реабилитирован, ему принесли извинения!». - «Это не важно», и меня не приняли - Господь спас.

Ну а уже после «Семнадцати мгновений...» вызывает меня директор Театра на Малой Бронной Илья Аронович Коган...

- ...ой, плохая какая фамилия...

- ...причем во всех смыслах (смеется), а у него сидит женщина - инструктор Краснопресненского райкома. Он вышел: «Я пойду, а вы побеседуйте», и она мне: «Есть мнение, что вам нужно вступить в партию». Я уточнил: «Чье мнение?». - «Ну, есть мнение...». Я говорю: «Я этого не понимаю, это абстрактно. Ваше мнение?». - «Нет». - «Так чье же?». Она помалась: «Виктора Васильевича Гришина» - это член Политбюро был...

- ...первый секретарь...

- ...московского горкома партии. «Передайте Виктору Васильевичу, - я ответил, - что у меня другое мнение. Я пытался вступить в партию после комсомола - меня как сына врага народа, хотя он уже был реабилитирован, не приняли, и вообще: в партию вступают по двум причинам - либо по зову сердца, что я хотел тогда сделать, либо из соображений карьерных. С точки зрения карьеры мне туда идти нечего - она у меня сделана: меня знают, благодаря этому фашисту я хорошо зарабатываю...». Она вопрос задала: «На партию вы обижены?». - «Да, - я ответил, - обижен: и на партию, и на советскую власть - на всех, кто наверху». - «Но вы же звание народного артиста СССР ждете...». Я рукой махнул: «Да дадите - куда денетесь?». Она: «Дадим, но гораздо позднее». Я: «Ну и...»

- ...подожду»...

- Точно! Я думал, это звание рублей хоть 500 зарплаты дает - по тем временам: ничего подобного! Место в спальном вагоне и маленький номер на гастролях...

- ...место на кладбище...

- Нет! - Невинный, народный артист СССР, на Новодевичьем не похоронен. За него и Табаков, и Хазанов просили, и еще кто-то к Лужкову ходил - ни в какую, хотя почему? Был же закон: народный артист СССР должен лежать на Новодевичьем. Ну, нет - и не надо: какая разница, где закопают? И вообще, в крематорий нужно: так лучше. Ф-ф-ф (воображаемый пепел сдувает)...

- ...и нет...

- Вот именно!

(Продолжение в следующем номере)

Связующая нить искусства

20 декабря в московском филиале международной галереи Altman's Gallery открылась выставка более двадцати литографий знаменитого еврейского художника Марка Шагала, приуроченная к 130-летию мастера. Галерея существует уже два года, основное направление ее деятельности - тиражная графика крупных художников XX века. Марк Шагал в своем творчестве неоднократно обращался к данной технике, предпочитая отиски с камня. Значительную роль в экспозиции заняли оригинальные работы мастера на библейские, мифологические и автобиографические сюжеты. Первоначально выставка была представлена в Altman's Gallery в Тель-Авиве. В Москве событие состоялось при активном участии и поддержке Посольства Государства Израиль в РФ и Российского еврейского конгресса.

На мероприятии выступили основатель Altman's Gallery Егор Альтман, Посол Государства Израиль в Российской Федерации г-н Гарри Корен, Главный раввин Москвы, Глава раввинского суда в России, странах СНГ и Балтии, Председатель Совета раввинов Европы Пинхас Гольдшмидт, Президент РЕК Юрий Каннер. Открытие выставки посетили главы и представители посольств различных государств, творческая интеллигенция, политики, бизнесмены.

Юрий Каннер

Символично, что открытие выставки М. Шагала в столице России совпало с завершением одного из самых удивительных и жизнеутверждающих праздников еврейского календаря - Хануки. Обращаясь к значению данного события для еврейской истории и культуры, все выступающие обращали внимание на особое духовное наполнение творчества Марка Шагала, огромную важность передачи через художественное творчество традиций человечности, добра и любви. Г-н Гарри Корен подчеркнул, что само существование государства Израиль, сердцем которого является Иерусалим, во мраке радикализма, насилия и террора на Ближнем Востоке является непреходящим чудом и бесконечным источником распространения света духовности, прогресса, демократии, мирного сотрудничества, развития идей гуманизма для региона и всей планеты.

Своим талантом, судьбой и творчеством уроженец Российской империи, до конца дней душой влюбленный в родной Витебск, гражданин Франции и Почетный гражданин Иерусалима Марк Шагал объединил культуры и традиции разных стран и народов. Представление в Москве выставки его литографий из различных художественных циклов явилось действительно замечательным событием, демонстрирующим безграничную объединяющую и созидательную силу подлинного искусства в современном беспокойном мире.

Наталья Лайгинен

ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ
ФЕДОРОВУ Иду Львовну
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Сельдь с овощами

Сельдь - 800 г, свекла - 200 г, морковь - 200 г, яблоки - 400 г, картофель - 500 г, лук - 300 г, чеснок - 1 головка, майонез по вкусу

Натереть на мелкой терке сырые (или на крупной терке - вареные) морковь и свеклу, нарезать тонкими пластинками кислые яблоки, приготовить картофельное пюре со сливочным маслом, мелко нарезать репчатый лук и чеснок. Вымоченную сельдь нарезать мелкими кусочками.

На плоское блюдо положить слой картофельного пюре, затем слоями сельдь, свеклу, морковь, яблоки. Снова повторить порядок, завершив слоями лука, моркови и, наконец, покрыть слоем картофельного пюре. Все это залить майонезом. Поставить на пару часов в холодное место.

***

Сельдь - 1 кг, капуста - 600 г, морковь - 200 г, лук - 100 г, масло - 150 г.

Филе сельди нарезать кусочками, запанировать в муке, слегка поджарить. Припустить нашинкованную свежую капусту и морковь, мелко нарезанный лук и смешать с приготовленной сельдью. Прибавить растительное масло и сметану и тушить до готовности. Подавать с отварным картофелем.

НЕВЕЖДА СЧИТАЕТ, БУДТО ВЕСЬ МИР СОЗДАН
ТОЛЬКО РАДИ НЕГО. КОГДА ЖЕ ВДРУГ С НИМ СЛУЧАЕТСЯ
НЕЧТО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ ЕГО ОЖИДАНИЯМ,
ОН ПРИХОДИТ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ,
БУДТО ВЕСЬ ЭТОТ МИР ПРЕИСПОЛНЕН ЗЛА

Маймонид

Наша кухня

Паштет из печени с сельдью

Печень - 1 кг, лук - 200 г, сельдь - 300 г, жир по вкусу

Печень припустить до готовности, затем пропустить через мясорубку вместе с сырым репчатым луком, заправить куриным или гусиным жиром и, не добавляя соли, смешать с пропущенной через мясорубку вымоченной сельдью. Все это тщательно размешать.

При желании украсить мелко нарубленным чесноком и сваренными вкрутую яйцами (мелко порезанными.)

Селедочный творог с чесноком

100 г жирного творога, сельдь - 30-40 г, лук - 10 г, чеснок - 10 г, сметана - 20 г, сливочное масло - 20 г.

Жирный творог (если сухой - добавить сливочного масла) смешать с вымоченной, пропущенной через мясорубку сельдью, чесноком и луком. Заправить сметаной. Подавать к отварному картофелю

Приятного аппетита!